

историческою жизнью, и что, послѣ вѣкового неутомимаго исканія мысли, признано добрымъ и полезнымъ.

Во второмъ періодѣ онъ является прежде всего обличителемъ въ духѣ узкаго сектантства. Онъ громитъ человѣка за безчисленные акты его частнаго быта; онъ обличаетъ его, какъ члена общественной среды, и, наконецъ, обличаетъ разныя общественные союзы, съ которыми люди живутъ отъ далекаго, незапамятнаго прошлаго.

Толстой-утопистъ считаетъ грѣховнымъ и дурнымъ безчисленное множество явленій частной и общественной жизни, которая представлялась ему раньше безразличными. Дурно, говорить онъ, потребление спиртныхъ напитковъ даже въ самомъ маломъ количествѣ; дурно то, что человѣкъ курить. Онъ находитъ даже опаснымъ потребление вина и табаку, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ: оно помогаетъ человѣку забывать упреки совѣсти и ведетъ къ тому, что безчисленное множество дѣйствій, которая совершаются въ наукѣ, искусствѣ, разныхъ отрасляхъ общественной и государственной жизни, является плодомъ работы людей одурманенныхъ. Дурно потребление мяса, ибо оно требуетъ убийства животныхъ и только возбуждаетъ чувственность людей. Заслуживаютъ суроваго порицанія не только роскошная обстановка богатыхъ, но даже тѣ простѣйшия удобства жизни, которые встрѣчаемъ въ обиходѣ людей средняго достатка, а въ странахъ съ высокой заработной платой — даже у семей неимущихъ классовъ. Онъ считаетъ дурными не только скученность населенія въ казармо-подобныхъ домахъ городовъ, не только работу надъ предметами роскоши, но и городскую жизнь вообще и всякий трудъ на фабрикахъ и заводахъ. Нѣкогда снисходительный къ тому, что Анна Каренина оставила мужа и полюбила Вронскаго, Толстой провозглашаетъ теперь безбрачіе состояніемъ, наиболѣе достойнымъ человѣка; дѣлая устуки слабости людей, онъ допускаетъ бракъ, но подъ условіемъ, чтобы люди, которые разъ рѣшились быть мужемъ и женой, не расходились никогда. Большая часть труда, затрачиваемаго въ наукѣ и искусствѣ, приносить только вредъ; множество людей, которые прилагаютъ свои силы въ этихъ областяхъ, едѣли бы гораздо лучше, если бы пускали мыльные пузыри.

Такъ обличаетъ Толстой недостатки частной жизни человѣка. Еще болѣе сурово оцѣниваетъ онъ общественные отношенія людей и дѣятельность государства. Почти весь хозяйственный бытъ и вся политика нашего времени представляютъ зло и безмыслицу. Толстой объявляетъ источникомъ одного только гнѣста, порабощенія и развращенія людей многочисленныя явленія общественной жизни, которая существуетъ съ незапамятныхъ временъ и порождаютъ какъ худое, такъ и доброе. Деньги— зло. Раздѣленіе труда— зло. Частное владѣніе имуществомъ даже скромныхъ размѣровъ— зло. Налоги— зло. Всякаго рода законы о собственности— зло. Надъ совокупностью этихъ золъ царитъ государство; оно является источникомъ безпредѣльного угнетенія и не можетъ вызывать сочувствія ни къ одной изъ отраслей своей дѣятельности. Государство есть вошіющее зло не только потому, что казнить смертью, не только потому, что ежегодно призываютъ миллионы молодыхъ людей къ отбыванію воинской повинности, т. е. зачислятъ въ ряды убийцъ, но и вслѣдствіе другихъ безчисленныхъ формъ насилия; онѣ бросаются въ глаза не столь рѣзко, но все же лишаютъ человѣка желанной свободы. Государство есть зло и тогда, когда устанавливаетъ налоги и собираетъ ихъ въ свою казну, и тогда, когда издастъ правила обѣ условіяхъ, при которыхъ человѣкъ имѣеть право вступать въ бракъ, считать своихъ дѣтей законными, распоряжаться своимъ имуществомъ, выѣзжать за предѣлы своей страны или оставаться дома. Наконецъ, при этомъ исполнительному союзу,—государству,—стоить церкви, неуклонно исполняющая его велѣнія. Она призываетъ благословеніе Боже-